

Сун Сяньфэй была из тех, кто не побоится дернуть тигра за усы. Она слегка взмахнула своей слоновой кости складной веером и с невозмутимым видом встретила полный ярости взгляд Юнь Инь:

— Вдовствующая наложница совершенно права. На мой взгляд, будет лучше, если все статуи богини Гуаньинь, дарующей детей, в нашем дворце начнут писать с лица Бай Ваньжун.

Чжао Гунчжэн, только переступив порог и поправив полы халата, услышал эти нелепые советы Сун Сяньфэй и тут же недовольно прервал её:

— Что за вздор! Разве можно менять облик бодхисаттвы по своему усмотрению?

Увидев, что пришел император, все в комнате в едином порыве опустились на колени. Юнь Инь, заметив его, почувствовала, как к горлу подступил ком, и едва сдержала слезы.

— Я просто заглянул проведать вас, поднимайтесь, — он махнул рукой и, пройдя вперед, сел рядом с императрицей. — Синь Юэ, о чем вы здесь говорили?

Синь Юэ было детским именем Ло Хуань. Услышав, что Чжао Гунчжэн назвал её так, она наконец слегка улыбнулась. Эта улыбка вызвала у Юнь Инь, не сводившей с них глаз, приступ жгучей ненависти.

Лицо Ло Хуань залилось румянцем, и в её голосе проскользнула застенчивость:

— Ваше Величество, я жду ребенка. Ваш род будет продолжен.

Чжао Гунчжэн застыл. Как... как Ло Хуань могла забеременеть? Увидев, что он молчит, Ло Хуань подняла на него взгляд и почувствовала, как сердце сжалось от боли — на лице императора не было и тени радости.

— Ваше Величество, вы, должно быть, просто ошеломлены? — Сун Сяньфэй, заметив странную атмосферу, поспешила сгладить углы. — Вы впервые станете отцом, это и радость, и потрясение. Вполне естественно, что вы не сразу пришли в себя. Вдовствующая наложница тоже была немало удивлена этой новостью.

Сказав это, она тихо рассмеялась. Придворные дамы, будучи людьми проницательными, тут же подхватили смех, и в залах дворца Чаннин снова воцарилось оживление, а неловкость мгновенно испарилась.

— Ваше Величество, я хотела бы просить о повышении для Бай Ваньжун, — когда смех утих, императрица произнесла достаточно громко, чтобы её услышали все. — Мне уже почти сорок, и то, что я смогла понести, — целиком заслуга Бай Ваньжун.

Услышав имя Бай Ваньжун, Чжао Гунчжэн сразу всё понял, но ему оставалось лишь притвориться, что он не в курсе:

— Говори.

— Бай Ваньжун обладает и добродетелью, и талантом, она прекрасна душой и лицом. Когда она только прибыла, я, как императрица, выделила ей кое-что из нужд, а она в ответ подарила мне шкатулку аромата Сладкая роса. Столь ценный дар она преподнесла без капли сожаления, и я глубоко тронута этим. Поэтому я хочу испросить для неё награду.

Чжао Гунчжэн мысленно застонал. Он взглянул на Юнь Инь и увидел, что та отвернулась, а её плечи мелко дрожали — очевидно, она была в ярости.

— Императрица права. Ну а ты, Синь Юэ, как думаешь, какой титул подошел бы Бай Ваньжун?

— Я хочу просить для неё титул Гуйпинь.

— Гуйпинь? — Чжао Гунчжэн отставил чашку с крышкой, в его голосе прозвучало легкое удивление. — Моя императрица невероятно щедра.

— Всё, что у меня есть, даровано Вашим Величеством. Это не моя щедрость, а ваша, — Ло Хуань сжала губы в улыбке. — Под небесами всё принадлежит государю, и все подданные — его слуги. Разве могу я сравниться с вами в великодушии?

— Императрица права. Пусть будет так, как ты сказала.

— Вы двое... неужели вы решили ворковать прямо здесь, на глазах у вдовы? — Юнь Тайфэй подавила бушующую внутри ярость и с полуулыбкой добавила: — Впрочем, неважно. Беременность императрицы — дело благое. Я сейчас же отправлюсь в молельню и сообщу об этой радостной вести покойному императору.

Все присутствующие были опытными царедворцами и прекрасно понимали, что вдовствующая наложница их выпроваживает. Вскоре одна за другой наложницы начали прощаться. Кто-то ссылаясь на дела, кто-то на недомогание, даже императрица заявила, что ей нужно вернуться в свои покои для отдыха.

В конце концов во дворце Чаннин остались только император и Юнь Тайфэй. Когда они остались наедине, Юнь Инь перестала сдерживаться:

— Почему! Почему Ло Хуань беременна?!

Она не в силах была больше терпеть гнев. С покрасневшими глазами она бросилась к Чжао Гунчжэну и закричала, её голос звучал остро, словно лезвие, скребущее по кости:

— А как же наш ребенок? Как быть с нашим дитя?

Чжао Гунчжэн, чувствуя вину, не осмеливался спорить с ней громко и лишь крепко обнял её:

— Иньинь, тебе нельзя нервничать, побереги ребенка!

— Ребенок Ло Хуань не должен появиться на свет! Не должен! Кто она такая! — её длинные острые ногти впились в плечи императора. Юнь Инь, словно обезумев, продолжала кричать: — Пообещай мне! Кузен, пообещай!

У Чжао Гунчжэна было мало наследников, и теперь, когда императрица наконец забеременела, разве мог он согласиться на столь безумное требование?

— Иньинь, — он попытался убедить её как можно мягче, — наш ребенок еще совсем мал, совершать подобное — значит навлечь беду на свою карму.

— Карму? — Юнь Инь оттолкнула его, пошатнувшись, но устояла. Она дрожащим пальцем указала на него, смеясь и плача одновременно: — Ты сейчас говоришь мне о карме? А когда мы делали то, что делали, ты думал о карме? Когда посылал людей убить Чжао Юаньцина, ты думал о карме? Когда убивал собственного отца, ты думал о карме? Что же теперь, как только Ло Хуань забеременела, ты сразу вспомнил о ней?

Император, выслушивая эти обвинения, чувствовал себя крайне униженным. Он потянулся к её рукаву и прошептал:

— Иньинь, не надо... говори тише...

— Не надо? Кузен, тогда скажи мне, что будет с нашим ребенком? Дашь ему титул князя без реальной власти и сошлешь в бесплодную глушь за тысячи ли от столицы?

Юнь Инь дрожащими руками коснулась своего живота. Её взгляд упал на едва заметную выпуклость:

— Мой ребенок... я так долго его ждала! Но ему не повезло. Нет, это мне не повезло — у меня не хватило удачи стать твоей императрицей, вот почему всё так несправедливо!

Чжао Гунчжэн молчал. Лишь спустя долгое время он заговорил:

— Прости, Иньинь. Эти годы я был несправедлив к тебе. Я знаю, в душе ты наверняка таишь на меня обиду. Но из-за того, что у меня было мало наследников, многие из колеблющихся так и не решились поддержать меня. А теперь, когда Ло Хуань беременна... — он вздохнул, не досказав фразы, и обнял со спины дрожащую Юнь Инь. — Прости, Иньинь, правда, прости...

В то время как там лили слезы, здесь всю наблюдали за представлением.

— Хотя я и не знаю, каков Чжао Гунчжэн как правитель, но ублажать женщин он мастер, — Бай Таньси и Лоу Цин не ушли далеко вместе с остальными, а, найдя укромное место, приклеили талисман сокрытия и вернулись обратно посмотреть шоу. Сюжет оправдал ожидания: крики, слезы, накал страстей. А от сладких речей императора у Бай Таньси

мурашки пошли по коже.

Якобы хочет ребенка ради поддержки колеблющихся — какой хитрый расчет.

— Хорошо, Иньинь, не плачь, сердце разрывается, глядя на твои слезы. — Из-за барьера Чжао Гунчжэн не подозревал о присутствии посторонних. Он вытер слезы с лица Юнь Инь своими пальцами, его голос был необычайно нежным. — Иньинь, мы пережили такие трудные времена. Теперь ты — вдовствующая наложница, а я — Сын Неба, мы не можем допустить ни единой ошибки. Я знаю, что сегодня тебе пришлось нелегко. Это всё из-за меня.

В этот миг слезы хлынули у Юнь Инь ручьем. Она крепко сжала ткань на груди и, задыхаясь от рыданий, прошептала:

— Да, мне больно... но ради... тебя... я... я не жалею...

— Не плачь, ты так тяжело дышишь, побереги себя, — Чжао Гунчжэн погладил её по спине. — Не изнуряй себя, теперь ты ведь носишь дитя.

Она прижалась к нему и слегка кивнула, всё еще мелко дрожа. Увидев, что она наконец успокоилась, Чжао Гунчжэн улыбнулся, встал и поправил складки своего халата:

— Время позднее, я приду к тебе завтра.

Юнь Инь вытерла следы слез и хриплым голосом спросила:

— Сегодня вечером... ты не придешь?

Чжао Гунчжэн помедлил:

— Сегодня много дел, я намерен остаться в кабинете.

— Я поняла.

— Будь послушной, не заставляй меня волноваться. — Сказав это, он поцеловал её в макушку и вышел, не оглядываясь.

Су Юэ и Су Э, дежурившие за дверью, увидев выходящего императора, поспешно опустились на колени.

— Встаньте, — махнул рукой Чжао Гунчжэн. — Зайдите к вашей госпоже.

— Слушаемся.

Служанки поспешно вошли во внутренние покои. Там Юнь Инь сидела на кровати, невидящим взглядом уставившись в пустоту, её глаза были красными. Су Э вздохнула — как же важны титулы, да и этические нормы, с древности и до наших дней. Будучи служанкой, она могла

лишь надеяться, что госпожа поскорее отпустит эти мысли.

Глядя на убитую горем Юнь Инь, Бай Таньси погладил подбородок:

— Я придумал, как заставить их грызть друг друга.

Послеполуденное солнце палило нещадно, отчего даже листья мяты в саду поникли. С тех пор как императрица объявила о том, что Бай Фэнлу владеет секретными снадобьями, жизнь в павильоне Водяных Лилий изменилась. Наложницы больше не боялись слухов и наперебой стремились сюда, так что тропинки в саду стали вдвое шире.

Редкие сокровища и деликатесы, присылаемые со всех сторон, текли рекой. Одна из Цзеюй, увидев, что в павильоне не хватает рук, даже прислала свою личную главную служанку. В ответ на это Бай Таньси под сияющими взглядами наложниц раздавал шкатулки с ароматом Сладкая роса — всем без исключения.

Что значит быть в фаворе? Вот что это значит.

Такой успех казался Лоу Цину и Бай Таньси одновременно забавным и тонким. Всё шло по плану: Чжао Гунчжэн, окруженный толпой голодных до внимания знатных дам, выглядел изможденным, что не могло не радовать! Если бы можно было поставить себе оценку, Бай Таньси поставил бы сотню!

Успех миссии воодушевлял, но на людях он не мог выдать себя ничем — теперь за ним следили пристальнее, поэтому приходилось играть роль «главной служанки» при своей госпоже.

Он посмотрел в окно — густая листва деревьев, бесконечное лето. Раздавалось прерывистое стрекотание цикад, евнухи с лестницами суетились снаружи, пытаясь их поймать, чтобы шум не мешал отдыху знатных особ.

Сигуй стоял на коленях у ног такой влиятельной госпожи. Время шло, а она всё смотрела на тени деревьев за окном — хотя она и не могла говорить, но её полное равнодушие заставляло его нервничать. Наконец, госпожа чуть повернула голову, и служанка тут же начала массировать ей плечи. Это была Фандань, бывшая главная служанка Ли Цзеюй, а Бай Таньси взял на себя роль её голоса.

— Сигуй, ты хочешь отпроситься?

Сигуй судорожно вздохнул и выдавил улыбку:

— Да, докладываю госпоже, я...

Бай Таньси быстро перебил его:

— Сейчас павильон Водяных Лилий уже не тот, что раньше. Сколько людей завидуют, мечтают попасть сюда, но не могут — а ты, напротив, хочешь уйти.

Фандань, будучи девушкой смекалистой, вставила:

— И то верно! Ли Цзеюй сама отправила меня сюда, ты даже не представляешь, сколько сестер мне завидуют!

Бай Таньси, глядя на вспотевший лоб Сигуя, подумал, что этот шпион слишком труслив. Но раз уж начал, нужно играть до конца. Он с видом важной служанки произнес:

— Наша госпожа хоть и стала знатной, но не из тех, кто зазнается от успеха. Если хочешь отпроситься, назови причину — если она разумна, госпожа, конечно, отпустит тебя.

— Сестра Сывэй совершенно права, — заискивающе улыбнулся Сигуй. — От дома пришло письмо, пишут, что родным стало плохо, просят меня срочно вернуться.

— Нет ничего важнее жизни и смерти, это вполне уважительная причина. — Бай Таньси повернулся к Лоу Цину и спросил его мнение: — Госпожа, что скажете?

Лоу Цин кивнул евноху, и тот, просияв, трижды ударился лбом о пол:

— Благодарю госпожу!

Пока евнох кланялся, Лоу Цин и Бай Таньси обменялись взглядами.

— Говорят, лучше всего возвращаться домой с почестями. Тебе нужно выглядеть достойно, — Бай Таньси поднял евноху. — Госпожа милосердна, иди с Фандань на склад, возьми немного шелка, это пригодится.

— Благодарю госпожу Гуйпинь за милость, благодарю двух сестер!

Фандань шла впереди молча, Сигуй следовал за ней, слышались лишь их шаги. Фандань презирала таких евнохов и не желала с ним говорить, а у Сигуя была своя тайна, так что он тоже помалкивал. Так они дошли до склада.

— Войдешь, не смей ничего трогать и осматриваться, — надменно сказала Фандань. — В эти дни склад забит дарами от всех госпож, здесь полно сокровищ. Если что-то поцарапаешь или украдешь — твоей головы не хватит, чтобы расплатиться, поняла?

Сигуй втянул голову в плечи:

— Да, я понял.

Фандань тихо хмыкнула:

— Заходи. На выходе всё равно будут обыскивать, сомневаюсь, что ты рискнешь что-то взять.

Евнух вошел следом. Пока Фандань стояла к нему спиной, открывая сундук, он украдкой спрятал шкатулку из рукава за напольной фарфоровой вазой.

— Что ты делаешь? — она внезапно обернулась.

Сигуй подпрыгнул от неожиданности. Фандань с двумя рулонами ткани в руках склонила голову:

— Я напугала тебя?

— Н-нет... просто я труслив, — сердце Сигуя бешено колотилось, он виновато улыбнулся: — Эта ваза такая красивая.

Она мельком взглянула на вазу, и от этого движения евнух чуть не упал в обморок.

— Это всего лишь сине-белая фарфоровая ваза, — нетерпеливо бросила Фандань с видом «какой же ты невежда». — Чего стоишь? Забирай ткань, или мне самой до ворот её нести?

— Не смею, не смею! — евнух поспешно взял рулоны. — Сестра Фандань, мы выходим?

— А ты что, хочешь здесь остаться? — Фандань хмыкнула. — Пошли, на выходе обыск.

Евнух покорно ответил:

— Слушаюсь.

На выходе их обыскали. Две крепкие надзирательницы и два ехидных старых евнуха ощупали их с ног до головы.

— Ничего нет, закрывайте склад.

Сигуй, дрожа от страха, с рулонами ткани в руках шатаясь побрел прочь. Звук замка заставил его вздрогнуть. Старый евнух, попыхивая трубкой, выпустил кольцо дыма и усмехнулся:

— Ишь, какой трусливый! Даже от звука замка чуть не наложил в штаны! Госпожа одарила его хорошей тканью, а у него вид такой, будто его на казнь ведут! Смешно, правда?

Солнце скрылось за горизонтом, сумерки окутали красные стены дворца. Начало месяца, ущербная луна скрылась за густыми облаками, тьма была такой, что хоть глаз выколи.

Лоу Цин закончил ужин, как только стемнело, а Бай Таньси спровадил Фандань, повторив трюк

с «госпожа устала и хочет отдохнуть». Та поверила и, одарив их полным восхищения взглядом, ушла спать.

Наклеив талисманы сокрытия, они без помех подошли к складу и, превратившись в дым, проникли внутрь. Бай Таньси подошел к вазе, поднял запыленную шкатулку и стряхнул грязь.

— Интересно, что внутри.

— Открой и увидишь, — Лоу Цин открыл шкатулку: — Это ожерелье Шибазы.

Ожерелье было собрано из розового турмалина и бирюзового стекла, украшено маленькими цветочными шариками из нефрита. Каждая бусина была безупречной.

— Похоже, это подарок покойного императора вдовствующей наложнице. Юнь Инь надевала его пару дней назад, — прикинул Лоу Цин. — Забери, стоит немало.

Бай Таньси, не раздумывая, бросил украшение вместе со шкатулкой в кольцо хранения.

— Долг платежом красен. Юнь Инь прислала к нам шпиона, теперь наша очередь нанести визит в её хранилище.

Бай Таньси намекал на то, чтобы обчистить личную казну вдовствующей наложницы.

— Разве «долг платежом красен» означает это? — Лоу Цин усмехнулся. — Ладно, ладно, пусть будет так. Раз уж решили, пойдем сегодня ночью.

Полночь миновала, звуки колотушки ночного дозора затихли вдали. Во дворце царила тишина. Порыв ветра заставил фонари под крышей раскачиваться, огоньки затрепетали, готовые погаснуть. Стражники у склада Юнь Инь зевали и лениво болтали.

Внезапно они почувствовали странный запах.

— Черт! Кто это, мать вашу, руки не помыл!

Они проскользнули внутрь в виде дыма. Бай Таньси, оказавшись внутри, был ослеплен блеском сокровищ. Раньше, глядя на экспонаты в музеях, он лишь восхищался, но здесь, среди груд настоящих драгоценностей, он потерял дар речи.

Нефритовые бонсаи, инкрустированные перламутром подносы, фарфоровые вазы, даже корейские изделия — всё это лежало грудями на полках. Бай Таньси даже не знал названий многих предметов, но был совершенно очарован.